

Борис Николаевич Тихомиров

доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе
Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге,
президент Российского общества Достоевского

btikhomirov@rambler.ru

БЫЛ ЛИ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ОМСКОГО ОСТРОГА ПАВЕЛ АРИСТОВ ПРОТОТИПОМ АРКАДИЯ ИВАНОВИЧА СВИДРИГАЙЛОВА?*

Аннотация. В статье рассматриваются рукописные материалы трех рабочих тетрадей Ф. М. Достоевского 1865–1867 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.3, 212.1.4 и 212.1.5). В результате текстологического анализа внесены существенные уточнения в принятую в академическом Полном собрании сочинений писателя хронологию подготовительных записей, относящихся к роману «Преступление и наказание». Специальному рассмотрению в статье подвергнут ряд набросков, в которых фигурирует персонаж по фамилии Аристов, названный именем заключенного Омского острога, отбывавшего каторгу вместе с Достоевским. Еще с 1930-х гг., вслед за В. Л. Комаровичем и Л. П. Гроссманом, Аристов традиционно рассматривается как прототип одного из главных героев «Преступления и наказания» — будущего Свидригайлова. Благодаря критическому анализу этих записей в уточненном хронологическом контексте в статье доказательно показано, что между Аристовым из ранних набросков в двух первых тетрадях, относящихся к 1865 г. (Ф. 212.1.3 и 212.1.4), и Свидригайловым, имя которого появляется только в третьей тетради (Ф. 212.1.5), содержащей подготовительные материалы к окончательной, печатной редакции романа, нет и не может быть никакой внутренней связи. Это обстоятельство позволило автору статьи пересмотреть выдвинутую В. Л. Комаровичем и принятую в Полном собрании сочинений Достоевского общую концепцию творческой истории «Преступления и наказания» на том этапе, когда писатель оставил форму повествования от лица героя и начал работу над окончательной редакцией, в которой повествование ведется от «всеведущего» автора.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, рукописи, текстология, история текста, творческая история, прототипы, форма повествования

Если вспомнить персонажа «Записок из Мертвого Дома», именуемого в повествовании А–в и аттестуемого Горянчиковым как «нравственный Квазимодо» (4, 63)¹, прототипом которого явился заключенный Омского острога Павел Аристов, и сопоставить его с героем романа «Преступление и наказание» Аркадием Свидригайловым, то мы увидим два совершенно различных нравственно-психологических типа (не говоря уже об онтологической глубине образов). Тем не менее литературоведческая традиция, восходящая к В. Л. Комаровичу и Л. П. Гроссману и получившая закрепление в примечаниях 1-го академического Полного собрания сочинений Достоевского (далее — ПСС) рассматривает первого (Аристова) как прототип второго (Свидригайлова) на ранних этапах разработки его образа, находя основание для такого утверждения в подготовительных материалах (далее — ПМ) к роману «Преступление и наказание».

Основной массив *ПМ* к «Преступлению и наказанию» содержится в трех рабочих тетрадах писателя, хранящихся ныне в РГАЛИ (Ф. 212.1.3, Ф. 212.1.4 и Ф. 212.1.5). По существующей традиции, самыми ранними из них, относящимися к так называемой «висбаденской» редакции являются *ПМ* из тетради 212.1.4, датируемые августом-октябрем 1865 г. (крайние даты в тетради — 7 августа и 14 октября); самыми поздними, относящимися к окончательной, печатной редакции, — *ПМ* из тетради 212.1.5, датируемые 1866 г. (крайние даты набросков — 2 января и 13 ноября). *ПМ*, содержащиеся в тетради 212.1.3, занимают промежуточное положение, частью относясь ко 2-й редакции, частью — к окончательной. Суммарно они датируются второй половиной октября — декабрем 1865 г. Причем между ними пролегает важный «водораздел» творческой истории «Преступления и наказания», когда Достоевский «в конце ноября 1865 г.», после нескольких месяцев напряженной работы, оставил разработку романа в форме повествования от первого лица, «всё сжег», так как его увлекли «новый план, новая форма», и «начал сызнова» (28₂, 150; письмо барону А. Е. Врангелю от 18 февраля 1866 г.).

Персонаж, фигурирующий в *ПМ* к «Преступлению и наказанию» как «Аристов» (а также, подобно персонажу «Записок из Мертвого Дома», как «А–в»), который является предметом настоящего исследования, появляется на самых последних страницах тетради 212.1.4 (с. 150–151), а также на с. 132 тетради 212.1.3 (см.: 7, 92–93 и 136). Согласно текстологической преамбуле (см.: 7, 302–303) и статейным примечаниям *ПСС*, это материалы 1-й и 2-й редакций «Преступления и наказания», датируемые октябрем 1865 г.²

В 1987 г. в статье «Спорный вопрос хронологии рукописных материалов к роману Достоевского “Преступление и наказание”», опубликованной в 7-м томе сборников Пушкинского Дома «Материалы и исследования», я передатировал эти *ПМ*, показав, что они имеют более позднее происхождение: относятся не к ранним, а к окончательной, печатной редакции и должны быть датированы *второй половиной декабря 1865 г.* [4]. С моими аргументами согласился фактический главный редактор *ПСС* Г. М. Фридендер; в устной беседе приняла мою точку зрения также и Л. Д. Опульская, готовившая в *ПСС* к публикации рукописные материалы «Преступления и наказания» и писавшая статейные примечания.

Что важно из выводов этой старой публикации для темы настоящей статьи? Прежде всего то, что персонаж по фамилии Аристов появляется в творческих набросках Достоевского отнюдь не на ранних этапах разработки интриги романа, взорвав, по мнению В. Л. Комаровича, первоначальную форму произведения и предопределив принципиальные изменения в архитектонике всего замысла (о чем подробнее — в дальнейшем), но — уже в процессе написания окончательной, печатной редакции «Преступления и наказания». Причем, что имеет наиболее существенное значение для рассматриваемого вопроса, на том этапе, когда первая часть романа была

уже написана и отправлена для публикации в «Русский вестник», а Достоевский работал над второй частью (в журнальной публикации — второй половиной первой части).

Последнее наблюдение радикально меняет всю картину. Дело в том, что Аркадий Иванович Свидригайлов в первой части романа уже фигурирует *под собственным именем* в письме матери Раскольникова (см.: 7; 28–30, 37–38, 40) и, значит, не может в подготовительных набросках более позднего времени выступать под именем Аристов.

Я сейчас выношу за скобки другой аспект, в котором радикально расхожусь с той концепцией творческой истории «Преступления и наказания», которая принята в примечаниях ПСС, а в конечном счете восходит к идее В. Л. Комаровича. По моим наблюдениям (и я частично писал об этом в статье «Другой Свидригайлов» [5]), упомянув в первой части романа имя Аркадия Ивановича в письме матери Раскольникова, Достоевский в декабре 1865 — январе 1866 гг. еще не планировал появления этого персонажа в Петербурге, его активного участия в сюжете романа. Видимо, — заметил в этой связи и Виктор Шкловский, — «он был задуман как человек, связанный с трагедией Раскольникова, но не появляющийся так, как не появляется в романе “Бедные люди” Быков» [6, 217]. То есть был задуман как «закадровый персонаж».

Об этом, кстати, свидетельствует и то обстоятельство, что, согласно не только позднейшим ПМ из тетради 212.1.3, датируемым декабрем 1865 г., но также и январским (1866) ПМ из тетради 212.1.5, основные сюжетные функции Свидригайлова на этом этапе развития замысла должен был выполнять... Лужин: он узнавал (причем тоже через подслушивание) о преступлении Раскольникова и, страстно полюбив Соню, «приступал к ней до последнего», шантажируя ее, что выдаст Родиона (см.: 7; 136, 159), так же как в окончательном тексте романа Свидригайлов — Дунечку. На этом этапе для Свидригайлова в романе просто не оставалось «поля деятельности». И лишь где-то в середине февраля 1866 г. Достоевский с пометой «NB» записывает на с. 68 тетради 212.1.5: «NB. Свидригайлов, бежавший от Марфы Петровны, приезжает в Петербург» (7, 166), — что, судя по всему, отражает нахождение писателем нового сюжетного решения. С этого момента наброски, посвященные разработке образа Свидригайлова, его отношений с Раскольниковым и Дунечкой, возникают в тетради 212.1.5 *лавинообразно*. В первых же двух тетрадях (212.1.4 и 212.1.3) имя Свидригайлова не упоминается ни разу!

И вот теперь подошло время обратиться к наблюдениям и соображениям В. Л. Комаровича из его работы 1934 г. В двух первых тетрадях Достоевского, пишет Комарович, есть несколько набросков, в которых фигурирует персонаж по фамилии Аристов: «...характеристика циника, которая ему тут дана, и какая-то неопределенная пока причастность его к судьбе “сестры” позволяют признать в нем прообраз Свидригайлова» [2, 264]. Солидаризируюсь с мнением В. Л. Комаровича (хотя и без ссылки на него),

эту же точку зрения развивает и Л. П. Гроссман, когда пишет: «Интригующая жизненность образа Свидригайлова объясняется и его реальными источниками. Герой, **по указаниям Достоевского**, списан с его товарища по Омской каторге Аристова. В черновиках романа он выступает под этой фамилией» [1, 35]. Однако никаких иных «указаний» писателя, кроме того, что в черновиках «выступает» персонаж под фамилией Аристов, Гроссман не приводит: их просто нет. Таким образом, в своем утверждении Л. П. Гроссман явно идет вслед за В. Л. Комаровичем. Так закладывается традиция.

Однако при внимательном рассмотрении материалов оказывается, что аргументация В. Л. Комаровича основана на ошибке и обнаруживает излишне поспешное суждение. Действительно, в набросках обеих тетрадей 212.1.4 и 212.1.3 имя Аристова упоминается в связи с «сестрой», как это и отмечает исследователь:

*Аристовъ и его исторія. Онъ приходитъ къ нему: А признайтесь<,> это вы сдѣлали. У Дюссо. Наивно. Продаетъ **сестру** франту съ К-го бульвара. Бьетъ **сестру** и отнимаетъ у ней все. Купите фальшивые билеты. Рейслеръ. Лужинъ употребляетъ его. Бьетъ мать. **Сестра** утѣжаетъ съ Кохомъ въ Москву. — У насъ въ классъ одного учителя дразнили... (212.1.4. С. 150; ср.: 7, 93), —*

однако совершенно очевидно, что здесь имеется в виду сестра *самого Аристова*, а вовсе не Дунечка Раскольников, что прямо следует из наброска, записанного в верхней части этой же страницы:

*Главныя заботы объ томъ: что ему (Раскольникову. — Б. Т.) дѣлать? переводитъ онъ пробуетъ, но не можетъ³. Аристовъ противенъ ему<,> {онъ познакомился **съ сестрой А-ва**} (212.1.4. С. 150; ср.: 7, 92).*

Также вполне очевидно, что и в тетради 212.1.3, в заметке на с. 132:

*Аристовъ (бывшій съ Заметовымъ у Разумихина и въ трактиръ) приходитъ къ нему еще вначаль, излагаетъ ему всѣ убѣжденія свои и намекаетъ что есть **сестра** и можно по фальшивой монетѣ (212.1.3. С. 132; ср.: 7, 136), —*

опять же имеется в виду не Дунечка (о которой Раскольникову не надо «намекать», что она «есть»), а сестра *самого Аристова*, которая чуть ниже на этой же странице названа и по фамилии:

***Сестра** была у Сони. **Аристова** ее пріятельница. (Там же).*

С этим последним наблюдением главнейший аргумент, на котором основывается заключение В. Л. Комаровича — «какая-то неопределенная <...> причастность к судьбе “сестры”», — превращается в «мыльный пузырь». И *единственным* доказательством в пользу того, что Аристов является «прообразом» Свидригайлова, остается лишь «характеристика циника», что является очевидно недостаточным, тем более что деятельный и бодрый цинизм Аристова в приведенных набросках радикально отличается от

свидригайловского «отчаяния самого цинического» (212.1.5. С. 150; ср.: 7, 204).

Приведенные же выше наблюдения над хронологией рассматриваемых набросков и их местом в творческой истории «Преступления и наказания» позволяют окончательно изъять гипотезу Комаровича—Гроссмана (которая ими подается как несомненный факт) с научного поля.

Для полноты картины к сказанному можно добавить лишь следующее. Пожалуй, единственно фигуры Аристов и Свидригайлова в их сюжетной функции *соприкасаются* там, где Аристов предстает как участник интриг Лужина:

Аристовъ <...> приходитъ къ нему (Раскольникову. — Б. Т.) еще вначаль <...>. Онъ шпионъ Лужина (герой назван здесь по имени прототипа. — Б. Т.). Они мучаютъ Соню (212.1.3. С. 132; ср.: 7, 136).

Аристовъ <...> приходитъ къ нему: А признайтесь<,> это вы сдѣлали. <...> Лужинъ употребляетъ его (212.1.4. С. 150; ср.: 7, 93), —

но, как было отмечено выше, именно потому, что главные сюжетные функции Свидригайлова вплоть до января 1866 г. (включительно!) в материалах окончательной редакции «Преступления и наказания» выполнял Петр Петрович Лужин. С отказом от такого решения в замысле Достоевского (характерно, что последний набросок, разрабатывающий эту линию, на с. 16–18 тетради 212.1.5 перечеркнут писателем крест-накрест) исчезает из ПМ к роману и Аристов.

Возможно, какое-то время писатель еще держит этого персонажа «про запас», рассчитывая задействовать его цинизм в эпизоде новоселья у Разумихина, который должен был строиться по замыслу Достоевского как своеобразная «оргія, только другаго рода, умственная» (РГБ. Ф. 93. I.1.2/5. Л. 1; ср.: 7, 207). Еще в процессе работы над второй частью окончательного текста «Преступления и наказания» писатель мыслил эту сцену как одну из идейных кульминаций романа (см.: 7, 206–209). Тут, возможно, и мог бы сыграть свою роль Аристов, о чем свидетельствуют наброски общей беседы на новоселье в самом конце тетради 212.1.4:

*Пестряковъ: въ самомъ дѣль старуха никому не нужная. Аристовъ: туда **ее и надо!** Стало быть нѣтъ по вашему грѣха? Грѣхъ есть и великій. Какъ же вы говорите что можно? Теорія арифметики. Какъ пріобрѣтается нѣмцемъ<.> Нравственная обязанность, взятая на себя... и т. д. Аристовъ **въ востор<гъ>** (да ужъ и **пожить хорошо, довольно**)<.> **Стало быть одинъ другаго можетъ по этой теоріи (ты дескать меньше нуженъ)**<.> и т. д. (212.1.4. С. 151; ср.: 7, 93).*

Однако уже на этапе создания связного текста, завершая вторую часть романа, Достоевский отказался от первоначального замысла: Раскольников не входит на вечеринку к Разумихину, не участвует в общем разговоре,

а лишь вызывает друга в переднюю, и они оба отправляются к дому героя в С-м переулке. Пьяная и шумная компания продолжает разглагольствовать без них, и темы их разговоров остаются читателям неизвестными.

С выпадением из замысла Достоевского данного эпизода даже потенциально для Аристова не остается места в «Преступлении и наказании», и этот герой навсегда исчезает из планов писателя. Кстати, надо заметить, это не единственный случай, когда активный на определенной стадии разработки замысла персонаж безвозвратно уходит в небытие отброшенных чернови-ков. Можно для примера указать на девочку Сясю (видимо, Сашу) — дочку убитой Раскольниковым Лизаветы. С Сясей «у Раскольникова завязалась дружба <...>. Позднее, когда появляется Соня, Сяся становится ее знакомой, а потом исчезает из романа (точнее из ПМ романа. — Б. Т.) совсем» (7, 314, примеч.).

И последнее. Почему так важно дезавуировать ложный тезис Комаровича — Гроссмана о тождестве Аристова и Свидригайлова? Кому-то это может показаться незначительной частностью. Но неверный взгляд Комаровича на Аристова как прообраз Свидригайлова приводит исследователя к ошибочным выводам и относительно *общей эволюции замысла романа*. По его мнению, именно появление в ПМ «Преступления и наказания» Аристова, его сложных взаимоотношений с «сестрой» (будущего Свидригайлова с Дунечкой) как раз и *явилось важнейшей причиной* изменения формы повествования (рассказ от «автора», а не от героя-преступника), а также предопределило перерастание первоначально задуманной повести в роман. Комарович писал: «Эпизод Дуни и Свидригайлова, мало-помалу вступая в свои права, как раз и нарушил сложившийся было замысел, противореча, во-первых, краткости, односюжетности задуманной повести и, во-вторых, совсем не мирясь с избранной для повести формой рассказоведения: личные признания главного героя никак не могли бы охватить собою самостоятельного рассказа о другом лице, — рассказа о последней любви и самоубийстве неисправимого циника» [2, 264].

Согласно изложенной здесь концепции, этот «самостоятельный рассказ» исподволь, «мало-помалу» вступал в свои права в течение октября-ноября 1865 г., в период работы писателя над 2-й редакцией «Преступления и наказания», что обусловило своеобразный «творческий взрыв» в истории создания романа, после которого Достоевский «всё сжег» и «начал сызнова». Однако, приступая в конце ноября — декабре 1865 г. к работе над окончательной редакцией, на тех же страницах, где определилось решение: «*Рассказъ отъ себя, а не отъ него*» (212.1.3. С. 107), Достоевский записывает подробный конспект всего произведения, начинающийся словами «*Сначала: постыщеніе старухи и закладъ часовъ*» (212.1.3. С. 109) и заканчивающийся явкой с повинной в полицейскую контору: «*На Стънную поклонился. Къ ней прощаться. Скажи матери. Поручикъ порохъ. Открытіе*» (212.1.3. С. 107; ср.: 7, 147–148). И в этом конспекте нет и намека на раньше времени

пригрезившийся Комаровичу «самостоятельный рассказ», нет «неисправимого циника» Свидригайлова, нет, кстати, и его «дублера» Аристов⁴.

В статейных примечаниях *ПСС*, в той их части, где излагается эволюция замысла «Преступления и наказания», нет ссылок на концепцию Комаровича, но негласно она присутствует в освещении внутренней логики работы Достоевского при переходе от «висбаденской» ко 2-й редакции. «Итак, — пишет Л. Д. Опульская, — **первая тетрадь** отражает тот период работы над “Преступлением и наказанием”, когда оно мыслилось еще автором как “повесть” <...>. Но постепенно “повесть” вбирала в себя темы и коллизии, нарушавшие ее первоначальные — более узкие — рамки, и в нее входил материал будущего романа» [3, 316]. Полемизируя с И. З. Серманом, полагавшим, что определяющим в этом движении замысла явилось развитие линии следователя, Порфирия Петровича, исследовательница настаивает: «Взорвал” повесть другой материал — “чиновник с бутылкой”, т. е. история семейства Мармеладова, **линия Лужин — Дуня — Свидригайлов** и весь связанный с этими линиями широкий “петербургский” социальный фон» [3, 316]. Повторю еще раз: это сказано о ходе работы Достоевского в *октябре* 1865 г. И это ровно та же концепция, которую первоначально выдвинул В. Л. Комарович. Но теперь она не только повторена, но также, условно говоря, и «канонизирована», поддержана авторитетом академического Полного собрания сочинений Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 16–18–10034 («Рабочие тетради Ф. М. Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в их динамической транскрипции», Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН).

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках. Подчеркивания в цитатах принадлежат Достоевскому, полужирные выделения — автору статьи.
- ² В *ПСС* это не прописано с полной определенностью, но *ПМ* на с. 150–152 охарактеризованы публикаторами как «самые поздние» (7, 315) в тетради 212.1.4, а *ПМ* на с. 132 опубликованы в начальной части материалов 2-й редакции.
- ³ Имеется в виду совместная работа по переводам, предложенная Раскольникову Разумихиным.
- ⁴ Нет, кстати, ни имени Аристов, ни имени Свидригайлова и в перечне имен и адресов персонажей романа, который публикаторы *ПСС* печатают, как *последнюю* запись тетради 212.1.3 (также: 7, 153).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гроссман, Л. П. Город и люди «Преступления и наказания» / Л. П. Гроссман // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — Москва : ГИХЛ, 1935. — С. 5–52.
2. Комарович, В. Л. Литературное наследие Достоевского за годы революции : Обзор публикаций 1917—1933 гг. / В. Л. Комарович // Литературное наследство. — Москва : Изд-во АН СССР, 1934. — Т. 15. — С. 258–281.
3. Опульская, Л. Д. Первая рабочая тетрадь : подготовительные материалы к роману / Л. Д. Опульская // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Ленинград : Наука, 1973. — Т. 7. — С. 265–322.
4. Тихомиров, Б. Н. «Спорный вопрос хронологии рукописных материалов к роману Достоевского “Преступление и наказание”» / Б. Н. Тихомиров // Достоевский : Материалы и исследования. — Ленинград : Наука, 1987. — Т. 7. — С. 53–64.
5. Тихомиров, Б. Н. Другой Свидригайлов : неосуществленный замысел Достоевского начала 1867 года (наблюдения и гипотезы) / Б. Н. Тихомиров // Три века русской литературы : Актуальные аспекты изучения : Межвуз. сб. науч. трудов. — Санкт-Петербург : Москва ; Иркутск, 2011. — Вып. 25. — С. 141–152.
6. Шкловский, В. Б. За и против : Заметки о Достоевском / В. М. Шкловский. — Москва : Советский писатель, 1957. — 259 с.

Boris N. Tikhomirov

*Doctor of Philology,
Deputy Director of Academic Affairs,
The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg,
the President of the Russian Dostoevsky Society
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

btikhomirov@rambler.ru

WAS PAVEL ARISTOV, PRISONER OF THE OMSK JAIL, A PROTOTYPE OF ARCADIY IVANOVICH SVIDRIGAYLOV?

Abstract. The article studies the manuscripts of F. M. Dostoevsky's three workbooks of the years 1865–1867 (the Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 212.1.3, 212.1.4 and 212.1.5). As a result of textual analysis, a recognized chronology of preliminary notes referring to the novel “Crime and Punishment” provided by the academic Complete Works of the writer, was significantly amended. The article particularly envisages some sketches that mention Aristov, a character named after a prisoner who then served his sentence in the Omsk jail with Dostoevsky. Since the 1930s following V. L. Komarovich and L. P. Grossman, Aristov has been traditionally seen as a prototype of Svidrigaylov, one of the protagonists of “Crime and Punishment”. Thanks to a critical analysis of these notes in terms of the corrected chronology, the article proves that Aristov from the early sketches in the first two notebooks of 1865 (Funds 212.1.3 and 212.1.4) and Svidrigaylov whose name appears only in the third notebook (Fund 212.1.5) containing preliminary materials for the final published edition of the novel, have no inner connection. This fact allowed the author of the article to reconsider the idea of the creative history of “Crime and Punishment” offered by V. L. Komarovich and accepted in the Complete Works of Dostoevsky at the moment when the writer leaves the narrative form in person of the hero and begins his work on the final edition where the narration is conducted in person of the “all-knowing author”.

Keywords: F. M. Dostoevsky, manuscripts, textual criticism, history of the text, creative history, prototypes, narrative form

REFERENCES

1. Grossman L. P. The City and People of “Crime and Punishment”. In: *Dostoevskiy F. M. Prestuplenie i nakazanie [Dostoevsky F. M. Crime and Punishment]*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvenoy literatury Publ., 1935, pp. 5–52. (In Russ.)
2. Komarovich V. L. Dostoevsky's Literary Heritage in the Years of Revolution. Overview of the Publications of 1917—1933. In: *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1934, vol. 15, pp. 271–278. (In Russ.)
3. Opul'skaya L. D. The First Workbook: Preparatory Materials for the Novel. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1973, vol. 7, pp. 265–322. (In Russ.)
4. Tikhomirov B. N. “A Controversial Issue of Chronology of Hand-Written Materials for Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment””. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya [Dostoevsky: Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 53–64. (In Russ.)
5. Tikhomirov B. N. Another Svidrigaylov: An Unrealized Intention of Dostoevsky at the Beginning of 1867 (Remarks and Suppositions). In: *Tri veka russkoy literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya [Three Centuries of Russian Literature. Essential Aspects of Studying]*. St. Petersburg, Moscow, Irkutsk, 2011, issue 25, pp. 141–152. (In Russ.)
6. Shklovskiy V. B. *Za i protiv: Zametki o Dostoevskom [Pro and Contra: Notes on Dostoevsky]*. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1957. 259 p. (In Russ.)